

Передача текста

Прочтенный и установленный текст готовится к изданию с учетом целей издания и характера памятника.

Передача текста различается в зависимости от того — предназначается ли она для лингвистического издания или для исторического и литературоведческого; предпринимается ли научное издание или издание популярное; требует ли научное издание памятников дипломатических приемов издания или обычных критических и т. д.

Различается передача текста и от того, глаголический это памятник или кириллический, уставный, полууставный или скорописный, к какому времени он относится, есть ли в нем следы южнославянской орфографии, какой извод он представляет, а также в скольких списках он представлен, какую лингвистическую, литературоведческую и историческую ценность он имеет и т. д.

Во всех этих случаях текстолог прежде всего обязан установить правила издания. Отдельные положения этих правил должны быть строго согласованы между собой, находиться во внутреннем единстве и «равновесии» требований. Недопустимо, например, чтобы одно из положений предусматривало интересы лингвистов, а другие не предусматривали их, чтобы одни положения были более строги в смысле требований точности, а другие менее строги, чтобы в одних случаях графика и орфография рукописи передавались, а в других — нет и т. д. Если, допустим, мы исключаем из передачи «юсы», то нет смысла оставлять написание «оу» — гораздо менее важное. Если в издании решено отмечать раскрытие титл, то необходимо отмечать и внесенные в текст выносные буквы. И т. п.

Выработка правил издания есть искусство. Это дело знаний и такта издателя. В них вредна и чрезмерная точность издания (без нужды) и, особенно, недооценка этой точности.

Обратимся к некоторым примерам.

Итак, при передаче текста необходимо строго согласовывать правила транскрипции с целями издания. Совершенно излишне, например, при передаче текста летописи в издании, предназначенном не для лингвистов, а для историков и литературоведов, сохранять такую чисто графическую особенность, как написание «оу» вместо «у». Это написание «оу» — механическое заимствование греческой графики написания буквы «у». Если в издании устраняются многие орфографические особенности и не передаются особенности графики, то сохранение написания «оу» — прямая непоследовательность, только затрудняющая чтение текста и не имеющая значения даже для очень требовательного читателя. Характерно, что даже А. А. Шахматов, обращавший очень большое внимание на языковую сторону своих изданий текста, отказался от сохранения написания «оу» в своей реконструкции «Повести временных лет». А. А. Шахматов писал во введении: «Вместо "оу" основных списков пишу систематически "у": *путь, судъ, пользу*

вместо рукописных *поуть, соудъ, пользоу*; так писали в XIV в., а тем более в XII; я позволил себе такое упрощение ввиду того, что никого оно в обман ввести не может»¹.

Иногда в изданиях в интересах удобства чтения необходимо вводить буквы, которых не было в рукописях. Необходимо, например, в текст набора вводить знак «v» (ижицу) вместо «у» в тех случаях, когда это «у» означает «v», а не «у»: надо писать «Моусѣй» вм. «Моусѣи», «Евпракси» вм. «Еупракси», «егвптыяне» вм. «егуптыяне», «Евфимию» вм. «Еуфимию»². Сохранение рукописного «у» создает большое затруднение для современного читателя.

Более осторожно, и только в популярных изданиях относительно поздних текстов, не предназначенных для лингвистов, следует вводить букву «й» вместо буквы «и». Хотя каждый языковед и палеограф знает, что этой буквы до XVII в. в русских рукописях не было и что, следовательно, введение ее в текст вызвать недоразумений не может, однако введение этой буквы связано с изменением произношения. Древние тексты не знают этой буквы, так как в русском языке в соответствующих местах слова не было и обозначаемого ею звука. Поэтому текстологу необходимо непременно посоветоваться с лингвистами, прежде чем вводить эту букву в издаваемый текст.

Выше мы сказали, что правила передачи текста должны быть согласованы с характером памятника и с особенностями его списков. Так, например, сложный вопрос встает перед издателем литературного памятника или исторического документа, когда он сталкивается с особенностями южнославянской орфографии. Передавать эти особенности или нет? Кстати, вопрос этот почему-то совсем не затрагивается в правилах передачи документов, неоднократно публиковавшихся историками. Не затрагивается он и в пособиях, выпущенных Московским Историко-архивным институтом. Между тем этот вопрос очень важен. Южнославянская орфографическая манера широко распространилась в русских памятниках XV–XVII вв. и крайне затрудняет чтение древнерусских текстов. Неоднократно приходится слышать в чтении древнерусских текстов даже у опытных исследователей искажение древнерусских слов только потому, что чисто внешние особенности южнославянской орфографии принимаются ими за особенности языка. Можно себе представить, как коверкают древнерусский язык памятников менее опытные в чтении текстов — студенты, педагоги, обычные читатели. Вот, например, слова: «влькъ», «млько» и пр. Ясно, что они произносились не так, как писались. Перед нами чисто условная, «ученая» южнославянская орфография.

Если публикатор текста условливается с читателем, что орфографические особенности списков в вариантах не приводятся, то незачем делать исключения для южнославянизмов, если, конечно, перед нами не южнославянский памятник или список.

¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I. Пг., 1916 (1917). С. LXIV.

² См. об этом там же.

Только иногда особенности южнославянской орфографии в списках XVII в. представляют научный интерес. Допустим, что перед нами текст в списках XVII в., который мы затрудняемся датировать XVI или XVII в. Тогда особенности южнославянской орфографии, при этом совпадающие в различных списках, будут говорить за тот век, в который эта южнославянская орфография была более распространенной и выдерживалась строже, т. е. за XVI в. Южнославянизмы эти нужно сохранить. Допустим, однако, что произведение точно датируется XVII в., а в списках его непоследовательно встречаются некоторые грубо расставленные по капризу писца мнимые особенности южнославянской орфографии; например, не к месту стоящий в середине слова «ъ» между согласными. Практически эти «ъ» ни о чем не свидетельствуют, отнести на их основании памятник к XVI в. нельзя, но чтение затрудняется ими очень сильно. Ясно, что от них нужно освободиться, отметив эти написания рукописи в текстологическом введении. Вводить все эти причуды «учености» переписчика в текст, а тем более в разночтения издания, излишне. Иногда особенности южнославянской орфографии предпочтительнее все же оставлять, несмотря на все противопоказания: тогда, когда публикатор текста не обладает достаточной лингвистической квалификацией для производства этой, в общем непростой, операции исключения. В этом случае публикатор должен найти в себе мужество признать свою некомпетентность и издавать текст без особых орфографических изменений. В вопросе о том, оставлять или не оставлять в издании особенности южнославянской орфографии, нельзя предлагать какие-то общие правила. Надо каждый раз соотносываться с историей текста произведения, с целями издания. Здесь, как и в остальных случаях, правила издания должны выводиться на основе изучения произведения и истории его текста и соотносываться с задачами публикации. Могут быть в истории текста такие особенности, которые трудно предусмотреть в правилах. Правила, выработанные для какой-либо серии, для учреждения, для какого-либо одного вида памятников, могут быть только ориентировочными. Публикатор должен ясно представлять себе, что может получить читатель от тех или иных орфографических и графических особенностей текста, и выработать свои правила с расчетом на наибольшую целесообразность.

Может, однако, возникнуть вопрос: не получится ли слишком большой разницей оттого, что мы будем каждый памятник публиковать по своим правилам? Вспомним следующее: разнообразны сами по себе правила публикации, а памятники, их списки, их орфография, их литературная история, разнообразны цели и задачи издания. Если все это разнообразие мы будем рядить в одинаковые одежды, то единообразие не получится, а получится безобразие. Одним эти одежды будут велики, другим малы. У корректоров есть хорошее слово «однобой» (в противоположность «разнобою»). Это слово означает, что «однообразие» в тексте проведено вопреки смыслу и удобству чтения произведения, проведено чисто формально. Правила издания

текста должны предусматривать возможность варьирования этих правил в зависимости от текстологического содержания издаваемого. Так и в отношении южнославянской орфографии: надо в сохранении ее строго следовать необходимости. Это и будет основным правилом. Дальше нужно только условиться, что же считать необходимым в сохранении южнославянской орфографии в каждом конкретном издании. Без консультации лингвистов текстолог этот вопрос не всегда может решить. Вообще необходимо сказать, что текстолог (историк и литературовед) должен гораздо чаще обращаться к лингвистам, чем это делается сейчас, но строго помнить, что памятник издается им не для лингвистов. Лингвисты должны сами для себя издавать памятники (см. выше, с. 470 и сл.).

В разделе «Прочтение и установление текста» главы IV было отмечено, что в понятие текста не входят описки писца. Текста не существует вне понимания его писцами и создателем текста. Если описка явилась помимо воли писца, незачем ее сохранять в тексте. Она должна быть исправлена (рекомендуется исправленное место выделить курсивом), а ошибочное чтение списка — отнесено в примечания. При этом ни в коем случае в исправления не следует вносить «лучшие» чтения вместо «худших». Понятия «лучший» и «худший» в подавляющем большинстве случаев могут быть истолкованы крайне субъективно. Нет никакой уверенности, что «лучшее» чтение всегда первоначальнее. Кроме того, в задачу издания текста не может входить реконструкция архетипа (тем более реконструкция частичная, создающая сборный, никогда не существовавший текст). Другое дело — исправление явных описок: описки — явление, лежащее за пределами текста.

Если с описками дело обстоит абсолютно ясно, то как быть с другими видами ошибок, явившихся в результате непонимания писцом некоторых слов, оборотов, имен, названий и пр.? Это непонимание текста писцом в иных случаях очень характерно, является своеобразным показателем его «понимания». В зависимости от важности этого «понимания» или «непонимания» и от целей издания, оно может то сохраняться, то быть исправленным. Ошибки писца не нужны в массовом издании и очень иногда нужны в научном издании, когда текстологу необходимо продемонстрировать особенности списка. В древних списках имеет бóльший смысл сохранять их, чем в новых. Нет смысла сохранять, например, ошибки профессионального писаря конца XVIII в., но есть смысл иной раз сохранять ошибки писца XI–XV вв., которые могут дать представление об уровне его образованности и осведомленности в целом ряде понятий переписываемого им текста. Во всех этих случаях должны, однако, быть выработаны твердые, единые правила для всего текста, и читатель должен хорошо быть информирован о том, почему устраняются одни ошибки и сохраняются другие.

При устранении из текста памятников явных описок надо иметь в виду следующее. Если памятник издается по многим спискам и описка характе-

ризует только один из списков в памятника (тот, в частности, который принят за основной), то сохранение ее имеет весьма относительный смысл. Но если мы представим себе памятник равной ценности в единственном списке — смысл сохранения описки возрастает. Он еще более возрастет, когда перед нами будет подлинник исторического документа — его оригинал (например, исторические акты). И в отношении этого материала безусловно прав А. А. Зимин, утверждающий: «В актовом источнике до XIV в. не следует исправлять в тексте даже явные описки: нужно делать оговорки в примечаниях. В источниках XVII–XVIII вв. описки и погрешности нельзя устранять, так как в ряде случаев они имеют значение для установления языковых особенностей автора, степени его грамотности и т. п.»¹. Устраняемые описки (путем конъектур или замены текста основного списка различием из другого) все обязательно отмечаются в примечаниях, а само исправление выделяется в тексте (лучше всего курсивом).

Выше было указано, что правила издания текста должны учитывать время, к которому относится текст. В данном случае имеется в виду не текст самого памятника, а текст издаваемого списка или группы списков. Так, например, если издается текст списка «Девгениева деяния», относящийся к XVIII в. (сам памятник относится к XI–XII вв.), то правила передачи этого текста должны, конечно, учитывать именно дату списка (XVIII в.), а не дату происхождения самого памятника (XI–XII вв.). Другой вопрос, который должен интересовать публикатора, — это вопрос о хронологических рубежах для правил издания текста. Памятники в списках разных эпох должны, как мы уже видели, издаваться по-разному. А. А. Зимин предлагает примерно следующие рубежи: «1) Источники до XVI в., 2) источники XVI и XVII вв. и 3) источники более позднего времени»². Были и другие предложения. Так, в «Правилах издания сборника грамот Коллегии экономии» (Пг., 1922) предлагались следующие грани: а) XIV–XV вв., б) первая половина XVI в., в) вторая половина XVI в. и XVII–XVIII вв.³

Не различают хронологических рубежей правила издания древнерусских литературных памятников, составленные акад. Н. К. Никольским⁴, и правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР, утвержденные акад. Б. Д. Грековым⁵.

Составители «Правил издания исторических документов Института истории АН СССР и Московского Историко-архивного института» (М., 1955)

¹ Обсуждение вопроса о передаче текста исторических источников. — Исторический архив, 1956, № 5. С. 239.

² Там же.

³ Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. С. 49.

⁴ Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929.

⁵ Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР. М., 1945.

предлагают следующую периодизацию правил передачи текста: «Передача текста рукописей до начала XVI в. Передача текста рукописей XVI—середины XVIII в. Передача текста рукописей начиная с середины XVIII в.»¹.

«Методическое пособие по археографии», изданное под редакцией М. С. Селезнева и Е. М. Тальман Московским Историко-архивным институтом (М., 1958), делит правила передачи текста документов по следующим хронологическим рубежам начиная с XIV в.: 1) передача текста документов до XVI в., 2) XVI—XVII вв., 3) XVIII в., 4) XIX—начала XX в., 5) Советская эпоха. Как видно, в основу этого деления правил передачи взята в основном периодизация по типам почерков, разбитая для «округления» по векам. Составители «Методического пособия по археографии» пишут: «Исходя из внешних графических особенностей текстов документов в истории русской письменности начиная с XIV в., можно установить следующие периоды: 1) устав и полуустав XIV—XVI вв.; 2) скоропись XVI—XVII вв.; 3) письмо (?) и скоропись XVIII в.; 4) гражданская письменность XIX—начала XX в.; 5) современная советская письменность»².

Далее составители пособия пишут: «Тексты документов каждого названного периода имеют отличия в начертании букв (например, ѝ, оу — у), в способах написания некоторых слов (например, слова под титлами: члѣк — человек), в форме употребления знаков препинания, прописных букв и т. д. Документы указанных периодов имеют также особенности, вытекающие из изменений, которые претерпевал язык: грамматические формы, словарный состав, стилистические и фонетические особенности»³. В этом делении на эпохи неясно сочетание его с делением по принципу смены почерков. Во-первых, полуустав вовсе не сменяется скорописью в XVI в. Скоропись возникает значительно раньше и в последующее время сосуществует с полууставом. Литературные произведения в XVI и XVII вв. переписываются столь же часто полууставом, как и скорописью, а в XVIII—XIX вв. в старообрядчес-

¹ Правила издания исторических документов. Академия наук СССР. Институт истории. Главное Архивное управление. Государственный Историко-архивный институт. М., 1955. С. 22–23 и 70. — По вопросу о правилах см. также весьма значительную работу: А. И. Андреев. О правилах издания исторических текстов. — Архивное дело, 1926, вып. V–VI и VII. Ср.: А. А. Сергеев. 1) Методология и техника публикации документов. — Архивное дело, 1932, № 1–2 (30–31); 2) К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. — Архивное дело, 1935, № 1 (34); А. А. Сидоров. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. — Архивное дело, 1953, № 1. Обзор вопроса: С. Н. Валк. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 41–70. — Из многочисленных иностранных правил издания укажу: L. Havet. Règles pour éditions critiques. Paris, 1920; L'Académie royale de Belgique. Instructions pour la publication des textes historiques. 2 éd. Bruxelles, 1922.

² Методическое пособие по археографии. Под редакцией М. С. Селезнева, Е. М. Тальман. М., 1958. С. 77. (Разрядка моя. — Д. Л.).

³ Там же.

ких рукописях полуустав даже преобладает. Во-вторых, известно, что категорию современного письма нельзя противопоставлять скорописи, поэтому неясно, что следует подразумевать под «письмом» просто, под «гражданской письменностью» XIX—начала XX в. и под «современной советской письменностью». Известно, что тип беглого индивидуального письма, утвердившийся в первой половине XIX в., сохраняется и по сию пору без принципиальных изменений. Очевидно, что понятия «письмо», «гражданская письменность» и «современная советская письменность» — категории отнюдь не графического характера. Отсюда можно признать, что логический принцип деления в этой периодизации не выдержан.

Для правил передачи текста литературных произведений самым важным является хронологический рубеж конца XIV в. С конца XIV в. резко увеличивается количество рукописей в результате введения в обиход бумаги; в это же время совершается переход от старшего полуустава к младшему и (что является самым важным для правил передачи текста) входит в употребление орфография, введенная в результате известной орфографической реформы патриарха Евфимия.

В связи с этим, как мне представляется, рубеж, отделяющий памятники, которые нужно издавать по более «жестким» правилам, от памятников, которые следует издавать по более «облегченным», лежит на переходе от XIV к XV в. Если же рукопись относится к этому рубежу, то следует обращать внимание на почерк: устав ли это и старший полуустав или младший полуустав и скоропись. Появление младшего полуустава тесно связано с появлением южнославянской орфографии, поэтому почерк будет указывать, к какой орфографической системе относится рукопись, а это в свою очередь — важнейшее основание для выбора правил издания.

При издании литературных текстов нет смысла применять так называемый церковнославянский шрифт для обоих периодов. В конце концов, любой из употребляемых сейчас церковнославянских шрифтов очень мало похож на древние почерки. Недостающие же в нынешнем гражданском шрифте древнерусские буквы могут быть легко присоединены к гражданскому шрифту, как и титла. Для текстов до конца XIV в. безусловно необходимо сохранение буквы «ѣ», желательно передавать в изданиях обе основные разновидности юсов — большей и малый (так называемый треугольный юс малый не имеет особого лингвистического значения), йотированные гласные «ѧ», «Ѯ», а также «Ѧ», «Ѣ» и «Ѥ» во всех случаях их употребления в рукописи. Менее необходимо сохранять «і», написание «оу» (см. выше) и написание «лі». По возможности выделяются также в издании все раскрытия сокращений, титлов и внесение выносных букв в текст. При этом следует иметь в виду, что если решено отмечать все внесенные в текст буквы при раскрытии титлов и сокращений, то делать это следует одним способом, а буквы, которые в рукописи являются выносными и вносятся в текст, — другим. Дело в том, что вынос букв над строку очень часто связан с сокращениями (выно-

сится одно «л» в «ли», сокращаются падежные окончания и пр.)¹. Поэтому требовательный читатель должен быть в равной мере предупрежден об обоих типах внесения в текст букв, но разными способами. Буквы, добавленные в текст в результате раскрытия сокращений и титлов, могут рассматриваться как внесенные редактором и поэтому их удобно выделять курсивом². Буквы, внесенные в строку из надстрочного положения, лучше всего печатать своим шрифтом, не курсивом (эти буквы реально представлены в тексте), но заключать в скобки (вполне достаточны круглые скобки, поскольку их нет в древних текстах и до XVII в. их условно-издательское происхождение поэту совершенно ясно).

В изданиях текстов последующего времени буква «ѣ» может сохраняться (это зависит от целей издания, от значительности памятника, его списков, особенностей языка³ и пр.), но в сохранении остальных ныне отмененных букв особой необходимости нет. Нет необходимости отмечать раскрытие сокращений и внесение в строку выносных букв. Мягкий знак ставится по правилам современной орфографии (в рукописи «большой» — в издании «большой»). Известно, что «ь» часто заменялось через ' или опускалось вовсе; смягчение же согласных происходило там же, где оно происходит и сейчас; поэтому постанова «ь» не искажает языковых форм памятника и сильно облегчает чтение.

Не искажает языковых форм и замена «і» на «и». Различие между «і» и «и» чисто графическое, причем не имеющее особого значения и не определяющееся какими-нибудь точными правилами. Поэтому замена «і» на «и» не может как-либо исказить текст.

Конечное «ъ» в изданиях текстов конца XIV в. и последующего времени обычно убирается. Однако оно не может быть убрано там, где произносится:

¹ В этом отношении Е. М. Тальман явно ошибается, когда пишет: «Перемена... места (т. е. перенесение в строку надстрочных букв. — Д. Л.) ничего не изменит в языке документов» (Е. М. Тальман. О передаче текста исторических источников. — Исторический архив, 1956, № 5. С. 180). Так же точно ошибается она, когда утверждает, что сокращения слов под титлами раскрываются легко и одинаково: в том-то и дело, что слова под титлами могут быть написаны по-разному. Известно множество ошибочных раскрытий сокращений и внесений выносных букв в строку. От этих неправильных раскрытий сокращений и ошибок с выносными буквами, как известно, сильно пострадал текст «Слова о полку Игореве». Если бы первые издатели «Слова» издали б его со всеми титлами и выносными буквами — мы бы знали текст «Слова» значительно лучше, чем знаем сейчас.

² Все, что отсутствует в рукописи и внесено редактором-издателем текста, обычно печатается курсивом. Такое употребление курсива применяется в изданиях памятников Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

³ Иногда букву «ѣ» необходимо сохранять в поздних памятниках северного происхождения или юго-западного.

в словах «нъ», «ть», «въ время» и некоторых других случаях. Ср., например: «И ть невидем бысть от него»¹.

Относительно форм южнославянской орфографии мы писали выше. Сохранение их зависит от целей издания, от необходимости выявить орфографическую сторону текста памятника или его списков. Отметим следующее: если есть уверенность, что южнославянская орфография была присуща самому памятнику или если ее трудно отличить во многих случаях от явлений языка (как, например, в тексте «Слова о полку Игореве»), то ее лучше сохранять. Прописные буквы в древнерусских текстах либо не употреблялись (были инициалы, но с них обычно начинался новый раздел текста), либо употреблялись относительно редко. Для облегчения чтения в издании прописные буквы расставляются по современным нам правилам. Это делается даже в изданиях дипломатического типа.

Отличия от современной расстановки прописных букв допускаются только для обозначения народностей. Издавна в изданиях древнерусских текстов названия народностей было принято писать с прописной буквы. Смысл этого написания в том, что в древнерусском языке иногда очень трудно отличить название народности от названия страны, где этот народ обитает: Русь — это одновременно и страна, и народность, так же точно Греки, Угры и пр. «Ушел в Половцы», «Литва из болот на свет не выникиваху», «отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьяга», «жил в Немцах», «воротился изо Угор», «вышли суть из Руское земле в Ляхы», «со всею Половецкою землею идти на Русь» и пр.: во всех этих случаях очень трудно отличить название народности от названия страны. Поэтому следует с осторожностью употреблять прописные буквы не только для географических названий, но и для названий народностей.

Буквенная цифирь во всех древнерусских текстах передается обычно арабскими цифрами. Сохранять буквенное обозначение цифр имеет смысл только в изданиях дипломатических.

Как быть в сомнительных случаях с расстановкой знаков препинания? Я имею в виду те случаи, где можно расставить по-разному знаки препинания и в зависимости от расстановки меняется смысл текста. Многие из современных издателей рекомендуют в этих случаях вовсе не ставить знаков препинания, предоставляя это сделать будущим исследователям текста. Я думаю, что это не совсем правильно, и вот с какой точки зрения: будущий исследователь может и не обратить внимания на двусмысленность текста, принять произвольно ту или иную расстановку знаков препинания, сочтя отсутствие их простой небрежностью издателей. Гораздо правильнее поступают составители «Правил для переписки и издания документов Московского архива Министерства юстиции». В параграфе 10 раздела В они пишут:

¹ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского IV // ТОДРЛ, т. XIII. М.; Л., 1957. С. 414.

«В тех случаях, когда смысл текста не ясен, знак препинания ставится в квадратных скобках»¹.

Знак, взятый в квадратные скобки, во-первых, все же дает какое-то, хотя бы и предположительное решение, а во-вторых, самими скобками своими указывает на то, что следует поискать возможности и другого решения. Укажу, что даже одна запятая может гораздо серьезнее изменить текст, чем та или иная буква или слово.

Необходимость ставить в сомнительных случаях знак препинания в квадратные скобки, а не просто пропускать его, особенно ясна из тех случаев, когда само по себе отсутствие знака препинания есть уже своего рода определенное понимание текста. Так, например, в берестяной грамоте № 2 читаем следующий текст: «Аѣкуевъ бѣла росомуха». Толкуя эту грамоту, издатели усмотрели в словах «бѣла росомуха» — росомаху альбиноса². Между тем между словами «бѣла» (белка) и «росомуха» следует просто поставить запятую и только. Белка («бѣла», «бѣль») в этой грамоте упоминается еще четыре раза³.

В древнейших уставных и полууставных текстах, особенно издающихся для лингвистов, полезно отмечать конец строки (обычно это делается перпендикулярной черточкой). Дело в том, что древний переписчик, заботящийся о красоте строки, никогда не сужал и не расширял буквы в случае, если ему не хватало места или, напротив, его было много; чтобы сохранить красоту строки, он либо растягивал слова добавлением «ъ» или «ь», либо выбрасывал их из слов. Поэтому для написания «ъ» и «ь» важно — стоят ли они в конце строки или в ее средней и начальной части. Иногда, если места для написания слова не хватало к концу строки, писец выносил буквы поверх строки (так было и в XVIII в.).

В рукописях, в надписях мы часто имеем дело с дефектами, вызывающими необходимость отмечать в изданиях пропуск. При этом издатель должен непременно дать представление о размерах пропуска. Лучше всего это делать, указывая количество пропущенных букв (при небольших пропусках) или количество строк и страниц (при больших пропусках). В некоторых случаях указания такого рода могут быть сделаны точно, в других же издатель может сделать это только приблизительно. То и другое также должно быть оговорено.

¹ Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов Московского гос. Историко-архивного института, под ред. проф. Г. Д. Костомарова. М., 1955. С. 165.

² А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), с. 22–23 (со ссылкой на Б. А. Кузнецова: «По справкам, полученным от Б. А. Кузнецова, белые росомахи (альбиносы) встречаются очень редко, мех росомахи является ценным»).

³ См. подробнее: Д. С. Лихачев. Рец. на кн.: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. — Советская археология, 1954, XIX. С. 325.

Если пропуск был в протографе издаваемого списка (писец иногда оставляет пустые места, указывая, что переписываемая рукопись «ветшана», что в ней недостает тех или иных листов и пр.), то перед нами не простой пропуск, а дефект более сложный. Мы не всегда можем положиться на то, что писец точно обозначил размер своего пропуска. В этих случаях оговорки издателя должны быть более сложными и как можно более точными.

Пропуски могут быть восполняемы по другим спискам, но с точным выделением всего восполняемого текста и по возможности по наиболее близкому списку.

В разделе о прочтении текста мы говорили о расчленении текста на слова; может быть еще один вид расчленения текста — на абзацы. Это расчленение текста на абзацы особой трудности не представляет. Оно делается по современным нам соображениям и обычно не требует особых оговорок, поскольку всем известно, что деления текста на абзацы в древности не существовало. Нашу красную строку заменяла действительно красная, написанная киноварью строка. В дипломатических изданиях текст на абзацы, как правило, не делится, а киноварные буквы набираются полужирными шрифтами.

Правила передачи текста в дипломатических изданиях устанавливаются каждый раз особо. Разрабатываются они особенно подробно. Точно оговаривается: какими средствами современного типографского набора передаются особенности графики рукописи. Все особенности текста, передача которых не предусмотрена в правилах, оговариваются особо в примечаниях (например, различные порчи текста, материала рукописи и явные ошибки писца).

Целую систему различных знаков и форм скобок предлагает для дипломатических изданий Ф. Масэ¹, а также П. Маас².

Вряд ли, однако, целесообразно чрезмерно усложнять систему условных знаков: сложную систему трудно запомнить. Условные обозначения должны быть по возможности просты и легко запоминаться. Для всех редакторских исправлений, изменений, замечаний (одним словом, для всего того текста, который идет от редактора-издателя) следует применять курсив. Полуширный шрифт применяется для обозначения киновари.

Правила передачи текста распространяются на все разночтения, но об этих последних см. ниже, в следующем разделе — «Подготовка разночтений для издания текстов».

¹ *Fr. Masai. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — Scriptorium, 1950, vol. 4. № 1–2. P. 192–193.*

² *Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957, S. 15–16.* — В «Правилах лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (Академия наук СССР. Институт русского языка. М., 1961) предлагается несколько видов скобок (круглые, прямые или «квадратные», прямые со срезанным верхом, фигурные, угловые), несколько видов подчеркиваний (в том числе волнистой чертой), пользование несколькими гарнитурами и несколькими кеглями различных шрифтов со своими условными значениями, различными знаками и пр.

При издании стихотворных текстов возможны два вида передачи текста: один дипломатический — строка в строку, и другой с разбивкой на стихотворные строки (чего, как известно, иногда не делалось в древних текстах). Само собой разумеется, что первый способ потребует более точных приемов передачи текста, а второй — такого, который бы позволил легко читать текст как стихи (следовательно, с учетом фонетической структуры текста в первую очередь). Так именно и поступает В. И. Малышев при издании текста «Повести о Сухане». В. И. Малышев пишет: «Повесть о Сухане подготовлена нами... в двух видах: первый передает текст строка в строку, во втором повесть разбита на стихи... В первом тексте допущены следующие упрощения орфографии подлинника: титла раскрыты, “ъ” в конце слов опущен, но оставлен внутри слов, омега заменена через “о”, юс малый и йотированное “а” — через “я”, ять через “е”. Выносные буквы внесены в строку, причем выносные буквы “с” и “т” в окончании глаголов передаются через “сь” и “ть”, а надстрочные мягкие согласные в словах “камене”, “колнул”, “коле”, “корене”, “малехонко”, “прошене”, “сколко”, “совершене”, “толко”, “третева” передаются с мягким знаком после них (“кольнул”, “копье” и т. д.). Выносная буква “ч” в слове “проч” передается с мягким знаком. Введено деление слов, написанных слитно; пунктуация современная. В этом тексте оставлены без исправления испорченные слова и явные пропуски. Во втором тексте, кроме отмеченных отступлений от подлинника, дополнительно введены еще следующие изменения: ошибочные чтения исправлены в тексте и оговорены в каждом отдельном случае в подстрочном примечании. Пропуски букв и слогов восстановлены в квадратных скобках. Твердый знак употребляется согласно современным нормам правописания. Мягкий знак в словах “ужь”, “охочь”, “гордь”, “Дамантьевичь” и “Товруевичь” опущен»¹.

Несколько слов о самой технике подготовки текста. Мы знаем, что ошибки получаются в процессе переписок. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы по возможности сократить число переписок.

При переписке следует вносить только наиболее простые исправления из тех, которые выработаны для данного текста. Более сложные исправления и знаки препинания следует делать в уже переписанном тексте. Правка должна вноситься так, чтобы было возможно прочесть зачеркнутые буквы.

¹ В. И. Малышев. Повесть о Сухане. С. 134–135. — По поводу передачи текстов древнерусских исторических источников см. еще мою полемику с В. А. Черныхом: Д. С. Лихачев. По поводу статьи В. А. Черныха о развитии методов передачи текста исторических источников. — Исторический архив, 1956, № 3 (см. статью: В. А. Черных. Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии. — Исторический архив, 1955, № 4).

Только при этом условии может быть достигнута систематичность и явится возможность еще раз обратиться к местам, внушающим сомнения (ср. ниже аналогичное правило при подведении разночтений).

Для того чтобы избежать ошибок прочтения, необходимо хорошо знать палеографию и язык рукописи, в нужных случаях, не откладывая, прибегать к помощи справочных пособий и консультироваться со специалистами. Для неясно написанных мест полезно прибегать к помощи лупы. Для трудных почерков полезно составить себе таблицу начертаний отдельных букв и сравнивать, как пишется данное сочетание букв в других местах той же рукописи¹. В случаях, если текст стерт, выцвел или неясен по другим причинам, полезно прибегать к помощи фотосъемок, съемок в инфракрасных лучах и др.² Идти от целого к частям: читая то или иное неясное место, принимать во внимание контекст.

Для того чтобы избежать ошибок запоминания, текст надо списывать небольшими отрывками (по два-три слова), кладя списываемую рукопись как можно ближе к себе и к рукописи, в которую текстолог переписывает текст.

Ошибки внутреннего диктанта избегаются тем, что текстолог переписывает текст, только внимательно разобравшись в его языке и содержании.

Ошибки письма должны устраняться тотчас после того, как текстолог переписал очередной отрывок в два-три слова: переписанный отрывок следует тотчас же прочесть. Следует выработать в себе навыки не только перечитывать текст по содержанию, но и «охватывать» текст в количественном отношении (следа за количеством букв и слов во избежание пропусков).

¹ Ср., как, например, было установлено написание слова «праздничный» в рукописи дневника Верещагина, принятое первоначально за фамилию «Пресиницкий»: В. В. Лукьянов. Дополнения к биографии Ионя Быковского. — ТОДРЛ, т. XV. М.; Л., 1958.

² Конкретные случаи применения этой техники см. в статьях: В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах) — ТОДРЛ, т. XIV. М.; Л., 1958; Я. С. Лурье. К вопросу о «латинстве» Геннадиевского кружка — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. — См. общие работы по этому вопросу: Д. П. Эрастов. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.; Л., 1958; В. С. Голышенко, В. С. Люблинский, Д. П. Эрастов. Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и источниковедения — В кн.: Проблемы источниковедения, IX. М., 1961; Л. П. Жуковская. Научное факсимильное издание древних рукописей. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981; Д. П. Эрастов. Факсимильное издание — косвенный путь повышения физической сохранности рукописных памятников. — Там же; K. Krumbacher. Die Photographie im Dienste der Geisteswissenschaften. Leipzig, 1906; G. Ouy. Histoire «visible» et histoire «cachée» d'un manuscrit. — Le Moyen Age, 1958, LXIV, N 1-2, и др.

Когда этим способом текст переписан, текстолог должен еще раз перечистить с рукописью переписанный текст. Следует помнить, что работа вдвоем (один читает, а другой пишет или сверяет переписанный текст) плодит очень много специфических ошибок и не рекомендуется.

Текстолог должен хорошо изучить типы ошибок, встречающихся при переписке. Это помогает не допускать их в собственной работе.

Особенно внимательно следует следить за самим собой; изучить типы собственных ошибок; изучить тип своей памяти (ассоциативный, зрительный, слуховой и т. п.). Работать следует без напряжения, с первых же шагов собственной текстологической работы вырабатывая в себе правильные прочные навыки. Текстолог, применяющий в своей работе правильные приемы работы, с т а в ш и е п р и в ы ч н ы м и, лучше всего гарантирован от ошибок.

Относительно характера ошибок, получающихся при пользовании старым печатным изданием для подготовки нового, мы уже писали выше (с. 442–444) в главе XI «Особенности изучения печатных текстов».

При пользовании для подготовки текста микрофильмами, фотографиями или ротокопиями необходимо по возможности проверить текст по рукописи. Если текст по рукописи не проверен, то публикатор должен особо оговорить, по какому виду фотовоспроизведения текст издается. Корректуры рекомендуется проверять по рукописи или по одному из видов фотовоспроизведения.

И еще один совет: никогда не довольствоваться «полусмыслом» или «полупониманием» текста — это полупонимание текста наиболее опасно с точки зрения возможностей «ошибок осмысления».

Подготовка разночтений для издания текстов

Говоря о предварительном подведении разночтений, мы уже отметили, что без него не может быть произведено сличение текстов. Это один из основных методических приемов текстологии. Необходимы ли, однако, разночтения в издании текстов, и если необходимы, то в каком объеме? Значение разночтений в издании текстов было понято далеко не сразу; представлялось излишним их подбирать вообще. Вот что писал по этому поводу А. Оленин: «Знаменитый Шлецер предлагал издать сводный летописец, в котором он назначал собрать шесть рукописей для показания, какая между ними находится буквальная разность в словах (что встречается почти на каждой строке). Но дело сие, требующее несметно долгого времени и мелочной самой точности, есть-ли не будет сопровождено основательными и подробными критическими примечаниями, истинной пользы к лучшему разумению отечественной нашей Истории нимало не принесет. — Сие частью доказы-